

М. М. Громыко

**ОБЫЧАЙ ПОМОЧЕЙ У РУССКИХ
КРЕСТЬЯН В XIX в.
[К ПРОБЛЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ ТРАДИЦИИ]***

ВИДЫ ПОМОЧЕЙ

Чаще всего помочи применялись для жатвы и особенно для завершения ее. Последние были настолько распространены и закрепились в крестьянском сознании как самостоятельное явление, что получили многочисленные специальные названия: *дожинки (дожины), выжинки, отжинки, борода, бородные, каша, саломата*. Помочи при завершении уборки хлеба органично срослись с обрядами и празднествами, посвященными окончанию жатвы вообще. Этим усиливалось их своеобразие, четкая регламентация некоторых элементов обычая, генетически ритуальная окраска отдельных действий. Самое название борода применительно к этому виду помочей возникло в связи с одним из обрядов на последней полосе (он назывался *завить бороду*), также как *каша, саломата* — в связи с ритуальными блюдами.

В Пинежском уезде «такие более или менее веселые бородные» устраивал «почти каждый домохозяин в общине»¹. В деревне становилось известно, что у такого-то «сегодня бороду завивают (дожинают), бородное будет (угощение)»². Если предполагалось пригласить много участников (в Архангельском, уезде, например, богатый крестьянин созывал 30 человек), то дочь или сын хозяина накануне обходили их дома, и стука палкой в окно, говорили: «завтра на бороду к такому-то»³. Приглашались преимущественно девушки — родственницы или близкие знакомые. Ходили они охотно, иногда даже без приглашения⁴. В некоторых случаях зажиточные крестьяне, собиравшие много народа на дожинки, приглашали не только девушек и женщин, но и парней⁵. Помочанки приходили со своими серпами; работу начинали утром и продолжали до тех пор, пока не выжинали весь хлеб, оставшийся у данного хозяина в поле. Наблюдатели неоднократно отмечали веселое, приподнятое настроение на дожинках — песни, шутки, шалости⁶.

* Продолжение статьи; первую часть см. в № 4.

¹ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 321 (Никитинская вол.).

² Там же.

³ Там же, л. 443.

⁴ Там же, л. 295 об. (Холмогорский у., Ломоносовская вол.).

⁵ Сельская поземельная община в Архангельской губернии. Вып. 3. Архангельск, 1886, с. 40 (Мезенский у., Лешуконская вол.).

⁶ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1020, л. 17 (Карачевский у. Орловской губ.). Н. Пузырев, наблюдавший помочи по завершению жатвы в Барнаульском округе, выразил впечатление от их атмосферы так: «На вид, по крайней мере, кажется, что для них это время не страдное, а отрадное». — Этнографическое обозрение. М., 1892, № 2—3, с. 235.

Кудьминационный момент дожинок — уборка последних колосьев, которым крестьяне придавали особое значение. Д. К. Зеленин посвятил специальную статью обряду завязывания последних колосьев в поле у восточных славян. В последние годы интересные наблюдения по этому обряду (в аспекте изучения применяемых в нем словесных формул) сделаны О. А. Терновской⁷. Это избавляет нас от необходимости всесторонне рассматривать обряд, органично сросшийся с дожинальными помочами. Ограничимся несколькими наблюдениями, вытекающими из сопоставления описаний разных уездов 14 губерний, представляющих север, центр, юг Европейской России и Сибирь⁸.

В тех описаниях дожинок у русских, где обряд *завивания бороды* обрисован относительно подробно, выступает единая центральная часть его: несколько колосьев оставляют на последней полосе поля несжатыми; их связывают и обращают колосками к земле. Это образование и есть борода (бородка). (Его не следует путать со сжатым последним снопом; завивание — плетение бороды, которое в литературе иногда называют обрядом последнего снопа, не исключало обрядовых процедур с последним сжатым снопом.)

Стоячий пучок колосьев — бороду — обвязывали травой⁹, соломой¹⁰ или просто завязывали самые колосья¹¹. У основания несжатых колосьев пололи траву и укладывали хлеб и соль¹². Пригнутые к земле колоски, по некоторым описаниям, еще и присыпали землей. В Приангарье этот пригнутый к земле пучок хлеба на последней полосе завязывали «головкой», которую покрывали сверху снопом. А. А. Макаренко подчеркивает, что к «миколиной бородке» относились как к предмету священному¹³.

В одном из костромских описаний отмечено завивание несжатых колосков бороды «по солнышку», рукой, скрытой под опущенным рукавом¹⁴. Едва ли не самое подробное из описаний «заплетания» бороды (на дожинках овса), сделанное Г. Н. Потаниным по рассказам местных информаторов (Никольский у., Вологодской губ.), включает еще «сруб» из колосков как элемент бороды: один колосок оставляли стоячим, а четы-

⁷ Зеленин Д. К. «Спасова борода», східньо-слов'янський хліборобський обряд жнивварський.— Етнографічний вісник. Кн. 8. Київ, 1929, с. 115—134; Терновская О. А. Словесные формулы в урожайной обрядности восточных славян.— Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974, с. 137, 143; *её же*. К статье Д. К. Зеленина «Східньо-слов'янські хліборобські обряди качання й перекидання по землі».— Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979, с. 121—122.

⁸ Архангельская, Вологодская, Владимирская, Ярославская, Смоленская, Костромская, Московская, Тульская, Калужская, Рязанская, Воронежская, Тобольская, Енисейская, Иркутская.— Архив Ин-та этнографии (далее АИЭ), ф. Общества любителей естествознания, археологии, этнографии (далее ОЛЕАЭ), оп. 1, д. 125, 142, 145, 150, 151, 159, 270; ЦГИА, ф. 91, ВЭО, оп. 2, д. 779 и др.; Архив Географического о-ва (далее Архив ГО), ф. XV, оп. 4, д. 28 и др.; Государственный музей этнографии (далее ГМЭ), ф. 7, оп. 1, д. 491, л. 10 и др.

⁹ Зобнин Ф. Из года в год. Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894, с. 54. «Самые последние колосья этого поля не жнут, а перевязывают их травой и оставляют в таком виде Микеле на бородку, дабы святой Угодник и на будущий год не оставил послать урожай...»

¹⁰ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 355, л. 44 об. (Рыбинский у. Ярославской губ.).

¹¹ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии.— Известия Императорского общества любителей естествознания, археологии, этнографии (далее ИОЛЕАЭ). Т. XIX, вып. 1. М., 1890, с. 33.

¹² АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, оп. 1, д. 145, л. 24 об. (Смоленская губ.); д. 125, л. 3 (Перемышльский у., Калужской губ.); д. 151, л. 71 (Рязанский у.); Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае.— Сов. этнография, 1932, № 3, с. 33.

¹³ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913, с. 80, 110.

¹⁴ Завойко Г. К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке.— Тр. Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. VIII. Кострома, 1917, с. 17.

ре клали вокруг него в форме венца избы; затем накладывали следующие «венцы», следя при этом, чтобы колосок одного растения приходился сверх стебля другого. Оставшиеся в середине «венца» стоячие колосья тоже загибали вниз, а сверху на них надевали *хлобучек*¹⁵.

Наконец, следует отметить процедуру с серпами, связанную с бородой. Так, в Рыбинском уезде, «когда в поле рожь выжата, то напоследок, на полосе оставляют несколько (...) колосьев несжатыми. Колосья эти связывают соломой же, и в связанный на корню снопок несжатых колосьев каждая женщина втыкает свой серп и (...) начинают после этого молиться Богу, обращаясь в молитве на восход солнца...»¹⁶. Это втыкание серпов в более позднее, но очень внимательно собранном дмитровском материале А. Б. Зерновой, выглядит как продергивание серпов под дугой, образуемой бородой (стоячие колосья завязаны и пригнуты к земле в форме дуги)¹⁷.

Обряд завивания бороды проводился, как правило, в молчании¹⁸. Затем следовал низкий поклон завивавшего и обращение его к Христу (чаще всего) или к одному из наиболее чтимых угодников (к Илье — чаще других, Николе или Егорию)¹⁹.

Обобщая сказанное, выделим следующие элементы обряда завивания бороды на последней полосе дожинок: 1. Оставление компактной группы несжатых колосьев (окружающий их хлеб выжинается). 2. Укладка «сруба» из колосьев. 3. Завязывание стоячего пучка. 4. Пригибание его колосьями к земле и образование дуги. 5. Присыпание опущенных к земле колосков землею. 6. Покрытие завязанного пучка снопиком (хлобучком). 7. Полка травы у основания стоячего пучка. 8. Хлеб-соль. 9. Втыкание или продергивание серпов. 10. Поклон и обращение к Христу или святому.

Выделение по материалам описаний таких элементов дает возможность для обоснованного сопоставления вариантов обряда у русских и сравнения с аналогичными обрядами других этносов. Однако задача осложняется характером источников: отсутствие одного или нескольких элементов часто определяется неполнотой информации у автора описания. На данном этапе исследований мы вынуждены ограничиться выделением элементов (без установления их последовательности и взаимозаменяемости в локальных вариантах).

Основа обряда, уходящая корнями в глубокую древность²⁰, ужива-

¹⁵ Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы.— Живая старина. Вып. 2. СПб., 1899, с. 202.

¹⁶ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, оп. 1, д. 355, л. 44 об.

¹⁷ Зернова А. Б. Указ. раб., с. 33. Там же описан обычай «женитьбы серпа» в северо-западной части Дмитровского края, связанный с последними колосьями последней полосы яровых, но выходящий за пределы рассматриваемого нами обряда завивания бороды.

¹⁸ Потанин Г. Н. Указ. раб., с. 202; Иваницкий Н. А., Указ. раб., с. 33.

¹⁹ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, оп. 1, д. 125, л. 3; д. 142, л. 7; д. 145, л. 24 об.; д. 159, л. 11; д. 150, л. 23 об. (60); д. 151, л. 71; д. 270, л. 5; Зобнин Ф. Указ. раб., с. 56; Селиванов А. И. Этнографические очерки Воронежской губернии.— Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия Воронежа. Т. 2. Воронеж, 1886, с. 104; Иваницкий Н. А. Указ. раб., с. 33; Макаренко А. А. Указ. раб., с. 80, 110; Потанин Г. А. Указ. раб., с. 202—203; Завойко Г. К. Указ. раб., с. 17; Петрушевич А. С. Общероссийский дневник церковных, народных, семейных праздников и хозяйственных занятий, примет и гаданий. Львов, 1886, с. 62, и др. В Переславль-Залесском уезде по обследованию 20-х годов XX в. представлены были при завивании бороды обращения и к Христу, и к Егорию или Николе. Завершался здесь дожин молитвой: «Слава тебе, Господи, что помог сжать, помоги, Господи, снопы собрать». — Смирнов М. И. Култ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде.— Тр. Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1927, с. 54. По-видимому, назначение обращения зависело и от того, какую именно культуру дожинали; на дожинках овса обращались к святому Илье, как покровителю скота.

²⁰ О генетической связи обрядов на последней полосе с древним аграрным культом см. Зеленин Д. К. Указ. раб.; Пропн В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 64—67. Связь обряда завивания бороды с древним жертвенно-погребальным ритуалом пред-

лась с христианскими представлениями. Цель обряда — получить хороший урожай на следующий год — четко осознавалась крестьянами; процедура не становилась игровой. Характерно в этом отношении описание из Воронежской губернии: «При жатве хлеба, чтобы на будущий год был урожай его, в поле оставляют несколько колосьев, которые связывают вместе, около них кладут хлеб-соль с приговором: это тебе, Илья, на бороду»²¹.

Хлеб, сжинаемый в последний сноп, на севере оставляли сначала на полосе кружком, затем жали его все вместе. Здесь местами (Кадниковский и Вологодский уезды) и окончание жатвы называли *кружок*. Кроме того, в Дмитровском уезде зафиксирован обычай — класть в последний сноп (еще не увязанный, но уже сжатый), расстеленный на полосе, серпы, сложенные кружком (лезвия двух серпов соединяются в круг); с серпами сноп и связывали²². Последний сноп уносили в дом, держа его на голове. В доме его ставили под образа (в некоторых местах — под определенную икону, например Флора и Лавра), потом в Покровскую субботу «закармливали» им скот²³.

Описание гаданья на последнем снопе сохранилось в фонде Вольного экономического общества, по материалам Архангельского уезда (Кохотская община Кохотской волости)²⁴. В этом описании речь идет именно о помочах, называемых здесь *бородю*: после завивания бороды девушки поочередно становятся на последний сноп и бросают назад через голову серп: если он воткнется в землю носком, то бросившая его умрет в том же году, если носком кверху — выйдет замуж, а плашмя — в ее жизни не произойдет никакой перемены. Исполнив этот обычай, девушки идут с песнями к хозяину бороды, где их угощают обедом²⁵.

В другом описании (Пинежский уезд) сноп фигурирует за ужином помочан в доме хозяина — лежит на столе «для добра»²⁶. По расположению брошенных через голову серпов предсказывались и менее значительные события — например, кто из участниц будет жать совместно на будущий год²⁷. В Обоянском уезде (Курской губ.) жницы перебрасывали серпы через голову уже на пути домой, на краю пашни, «чтобы был хороший урожай»²⁸.

Во многих описаниях отмечено перекачивание жниц по последней полосе перед уходом с поля. На этом обряде мы не останавливаемся, отсылая читателя к работам Д. К. Зеленина и О. А. Терновской²⁹.

ставляется нам недоказанной.— *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, с. 106—109. Четко проходит через обряд идея оплодотворяющего погружения зерен в землю. Она прослеживается, в частности, в одном из архаичных вариантов обряда, зафиксированном на Волыни: на последней полосе оставляли пучок несжатого жита; вечером бабы связывали его, загибали колосья к земле, украшали бороду цветами и лентами; затем заставляли парубков разрыхлить серпами землю у основания пучка, засеять зернами из бороды и заволочить пальцами.— *Rokosowska Z.* Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu.— *Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej*. Т. XI. Krakow, 1887, с. 184—185.

²¹ *Селиванов А. И.* Указ. раб., с. 104.

²² Материалы по этнографии..., с. 255; *Иваницкий Н. А.* Указ. раб., с. 32; *Зернова А. Б.* Указ. раб., с. 34—35.

²³ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, оп. 1, д. 270, л. 5; д. 355, л. 45; *Иваницкий Н. А.* Указ. раб., с. 33; Словарь местных речений, с. 255; *Зернова А. Б.* Указ. раб., с. 34; *Потанин Г. Н.* Указ. раб., с. 203.

²⁴ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 443 (рукопись датирована июнем 1880 г. Информатор — К. Косарев).

²⁵ Там же, л. 443—443 об.

²⁶ Материалы по этнографии..., с. 134.

²⁷ *Макаренко А. А.* Указ. раб., с. 110.

²⁸ *Машкин.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского у. Этнографической сборник, вып. V. СПб., 1862, с. 83.

²⁹ *Зеленин Д. К.* Східно-слов'янські хліборобські обряди качання й перекидання по землі.— *Етнографічний вісник*. Кн. 5. Київ, 1927, с. 1—10; *Терновская О. А.* К статье Д. К. Зеленина..., с. 112—123.

В целом можно выделить четыре полевых обряда на дожинках: 1. Завивание бороды. 2. Выжин и завязка последнего снопа. 3. Гадание с серпами. 4. Перекачивание по ниве.

По описанию П. А. Иванова (его материалы были отмечены издателем ИОЛЕАЭ как лучшие), самый последний акт перед уходом с поля выглядел так: «...на полях кричат все в голос: „слава Богу, слава Богу, обжался (такой-то, хозяин)“ и затем с песнями и серпами отправляются в хозяйский дом»³⁰. Уход с поля с песнями — непременная черта дожинок во всех описаниях помочей. В доме хозяина поля к этому времени было уже приготовлено угощение для помочан. Во многих местностях в состав угощения обязательно должна была входить каша. У части русских на севере сами дожинки поэтому назывались *кашею*, а участницы их — *кашницами*³¹. Там, где специально приготовленное блюдо называлось *саломатою*, отжинки называли *саломатою*³².

Обязательная подача каши на дожинках (в некоторых местах этот обычай сохранился до конца XIX в.) свидетельствует, что генетически это блюдо имело культовое значение в помочах. Глубокая связь многих календарных и семейных обрядов с зерном, которое крестьянское сознание наделяло магической силой, проявлялась, в частности, в обязательном употреблении каши из зерен (кутья, саломаты) на крестинах (в некоторых местах крестины, где повивальная бабка обходит гостей с кашей, так и назывались — кашей); на *бабьих кашах* (26 декабря — праздник повивальных бабок и рожениц); наутро после свадьбы и на обеде у молодых (эти два момента свадебной обрядности в средневековой Руси назывались кашами); на похоронах и поминках; в Родительский день на Фоминой неделе; на девичьих складчинах на Иванов день; при умиловлении домового.

Помочанок угощали также шаньгами, пирогами, говядиной, рыбой, орехами, чаем, конфетами³³. У богатых крестьян выставляли на дожинках до 15 «пересмен»: говядина пареная, жареная, вареная; рыба пареная, жареная, вареная и т. д.³⁴ Водкой и пивом угощали как на мужских, так и на женских помочах³⁵.

В некоторых местах после окончания жатвы угощали дважды. В хозяйском доме в день каши топили печи и пекли множество шанег. «По приходе кашниц горячие, с огня (...) шаньги кладутся на огромных блюдах на столе и выставляется водка, которую, обыкновенно, подносят». После этого кашницы бродили по улицам с песнями или катались на лошадях, а затем возвращались в дом хозяина и ужинали. Главными блюдами за ужином в этом варианте были каша и снова шаньги (Пинежский у.)³⁶. В соседнем Холмогорском уезде (Ломоносовская вол., Куростровская община) по окончании жатвы женщин угощали «закусками, орехами, конфетами и другими сладостями», а за ужином — «также излишне приготовленными против мужчин кушаньями: из крупчатки, говядины, различной рыбы и пр.»³⁷ Жница — участница помочей могла пригласить на ужин мужа или кого-либо другого из родных или знакомых, не участвовавших в дожинках³⁸. Таких гостей называли *захребетниками*. Если помочанка не хотела пить водку или пиво, она подавала свой стакан за-

³⁰ Материалы по этнографии..., ч. I, с. 133. Пинежский у., 1864—1869 гг.

³¹ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 321—321 об.; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. II, с. 100; Материалы по этнографии..., ч. I, с. 134.

³² *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря русского старожильческого населения Сибири. Восточная Сибирь. Тулуновская волость Нижнеудинский уезд, Иркутская губ., Иркутск, 1918, с. 27.

³³ ЦГИА, ф. 92, оп. 1, д. 779, л. 295 об., 424.

³⁴ Там же, л. 443 об.

³⁵ Там же, л. 295—295 об., 321 об., 443 об.; ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1020, л. 17.

³⁶ Материалы по этнографии..., ч. I, с. 133—134.

³⁷ ЦГИА, ф. 91, оп. 1, д. 779, л. 295—295 об.

³⁸ Там же, л. 321 об.

хребетнику. Иногда водку выливали в свою бутылку — *отлевыши* — и уносили домой. Это делали чаще женщины³⁹.

В некоторых деревнях Орловского уезда (Орловской губ.) помочанки после первого угощения ходили по деревне с песнями и плясками, в которых величали хозяина и хозяйку. При этом самая молодая и красивая девушка несла ржаной сноп, украшенный разноцветными лентами и венками. Две другие девушки поддерживали ее под руки. Остальные били в заслонки, в косы, в *позвонки* (колокольчики — М. Г.) гремели трещетками. Обойдя всю деревню, возвращались к хозяевам, где их снова угощали⁴⁰.

Существенным элементом развлекательной части дожинок было катанье на лошадях вечером по селеню. В ряде мест хозяин обязательно должен был предоставить своих лошадей для катания девушек и женщин. Если ужин был поздний, то катались всю ночь до утра, всегда с песнями и шумом⁴¹. Иногда вместо катанья несколько раз проходили толпой с песнями через все селение⁴².

В конце прошлого века Вл. Охримович обратил внимание на сходство украинских свадебных и «обжинковых» песен, проследив аналогии в их куплетном построении и содержании и выделив те обжинковые песни, которые являются вариантами свадебных⁴³. Это наблюдение подтверждает и дополняет отмеченную нами переключку некоторых элементов помочей и свадебного обряда (катанье на лошадях, каша).

В районах, где льноводство было одной из ведущих отраслей сельского хозяйства, помочи широко использовались, когда приходила пора мять и трепать лен и коноплю. Это были преимущественно женские очередные помочи. Хозяйственная целесообразность коллективной аккордной работы в этом виде труда определялась тем, что высушенный в овине лен снова набирался влаги, если не был обработан в короткий срок.

Одно из наиболее четких и подробных описаний помочи, которую созывали, чтобы мять лен, относится к Можайскому уезду Московской губернии⁴⁴. Этот вид помочи приходился на осень. Толоку (здесь применялся этот вариант названия) собирали поочередно; начинали обычно с крайнего двора деревни. Участвовали в ней девушки и молодые женщины, а иногда и холостые парни. По наблюдению информатора, «девушки и бабы уважают этот обычай и всегда с нетерпением его дожидаются»⁴⁵. На толоку льна приходили в овин со своими мялками. Их устанавливали большим кругом, оставляя в середине место, куда бросали измятый лен. Работали при свете фонаря или сальной свечки всю ночь, до рассвета. Примечательно, что на толоке сложились определенные нормы выработки: каждая участница должна была измять за ночь так называемую «сотню» (сто снопов). Считалось, что «хорошая здоровая баба может легко выполнить в одну ночь эту работу и времени останется еще несколько свободного». На толоке всю ночь пели песни, а нередко и плясали. На следующий день хозяин кормил обедом всех участников⁴⁶. По Орловской губ. (Талызинская вол.) описаны помочи по мятью конопли, охватывающие поочередно отдельные группы семей. В одной риге собирались мять пеньку или замашки (вид конопли) по три человека от каж-

³⁹ Пузырев Н. Указ. раб., с. 235—236.

⁴⁰ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1137, л. 7—8.

⁴¹ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 443 об.; Макаренко А. Ульбинская община.— Материалы по этнографии..., с. 134.

⁴² ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 321 об.

⁴³ Охримович Вл. Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории развития семьи.— Этнографическое обозрение, 1892, № 4, с. 29—31.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 776, л. 20—22.

⁴⁵ Там же, л. 20.

⁴⁶ Там же, д. 776, л. 20—21.

дой из объединявшихся семей, всего человек двенадцать. Угощения в этом случае не выставлялось никакого, каждый обедал у себя дома. Такой же порядок помочей бытовал здесь и при молотьбе⁴⁷. В Болховском уезде этой же губернии (Знаменская вол.) толока для молотьбы организовывалась отдельными хозяевами, с подачей раннего завтрака помочанам⁴⁸.

Массовостью и определенным своеобразием были отмечены помочи по вывозке навоза на поле, оставленное под пар. Одно из наиболее подробных описаний этого вида помочей относится к Псковской губернии (1879 г.). Речь в нем идет о деревне Борок (Берёзовская вол., Порховский уезд) и некоторых других прилежащих к ней селениях, заселенных бывшими крепостными крестьянами, состоявшими на выкупе с 1864 г. (временнообязанные в момент записи). «Вывозка навоза производится часто толокой, которая состоит в том, что все или часть однообщественников соглашаются вывезти позем (навоз) сообща. Сначала все однообщественники собираются у одного хозяина и вывозят его навоз, затем переходят к следующему и т. д.»⁴⁹ Это тот же тип помочей (I), что и при обработке льна, который мы рассмотрели выше: целая система последовательно, в определенной очередности совершаемых толок, охватывающих всю общину или значительную часть ее по одному и тому же виду работ.

На толоку по вывозке навоза собирались на Псковщине с женами и детьми; детвора допускалась уже с 6—7 лет. Каждый хозяин являлся со своей лошадей и специальной одноконной телегой. Труд распределяли по полу и возрасту: мужчины группами в 5—6 человек грузили большие пласты, сообща поднимая их двузубыми вилами; дети — *повозники*, сидя верхом на лошади доставляли груз в поле; там женщины вилами сваливали навоз с телег небольшими порциями, равномерно распределяя по участку.

«В полдень оживленная работа прерывается, — все собираются в избу к тому хозяину, чей в данное время возят навоз, и приступают к угощению, которое выставлено хозяином»⁵⁰. Подавали пироги, блины, щи с говядиной или сметками и квас. Затем следовал часовой отдых и снова принимались за работу, пока ее не заканчивали. В описании отмечается приподнятое настроение помочан — смех, шутки, остроты. «Хотя толокою производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока — чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи»⁵¹.

В некоторых районах праздничная обстановка подчеркивалась тем, что лошадей «убирали в самую лучшую сбрую» и одевали на них ошейники с бубенцами. Парни и девушки, правившие лошадьми, устраивали состязания в скорости, когда возвращались с поля порожняком; «так что это время, — по замечанию информатора, — напоминает масленицу»⁵². Помочи по удобрению полей в некоторых местах имели особое название — *назьмы* или *назьмы*⁵³. Об увеселениях помочан при вывозке навоза говорили — «в назьмы играть»⁵⁴. Во многих волостях Московской губ. помочи по вывозке навоза на поля («навозница») выливались в своего рода женский праздник. Одни и те же помочанки для участия в этой помочи объезжали на своих лошадях родственниц в разных деревнях. Работа сопровождалась песнями и плясками и заканчивалась

⁴⁷ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1177, л. 12.

⁴⁸ Там же, д. 928, л. 16.

⁴⁹ Сборник материалов..., с. 315.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 113, л. 3.

⁵³ Даль В. И. Указ. раб., т. II, с. 415 (отнесено к Вятской губ.).

⁵⁴ Петрушевич А. С. Указ. раб., с. 54.

обильным угощением. Особое значение придавалось последнему возу: «На воз садятся поперх навоза бабы, одетые мужиками, с усами, подрисованными углем, или физиономией, намазанной сажей; лошадь украшают лоскутками, пучечками соломы; едут с песнями, с гармоникой»⁵⁵.

Сходной была обстановка при перевозке помочью бревен на строительство дома. Участвовала в ней нередко вся община и даже несколько сельских общин. Являлись помочане со своими собственными лошадьми, веревками, топорами. В лес тянулась длинная вереница дровней—20, 30 и более. Сообща рубили лес и грузили на дровни; в 2—4 заезда «на деревенской улице воздвигались целые горы бревен, привезенных помочью». После этого хозяин угощал помочан⁵⁶.

Особый вид помочей, имевший и свое название, составляли *вздымки* или *сдымки* (*здымки*) — ответственная стадия в строительстве избы, когда сруб поднимают на фундамент. Сруб хозяин обычно рубил сам или нанимал работников, а для подъема сруба созывал помочь. Помочане разбирали готовый сруб, перекладывали его на фундамент и конопатили. Хозяин выставлял им угощение — *обложейное*⁵⁷. В Кесломской общине Мезенского уезда на сдымки приглашали только друзей и родственников, в Верхнеберезницкой общине — друзей, родственников и близких знакомых⁵⁸.

Самый ответственный и завершающий момент работ на этих помочах — подъем матицы на черепной венец. Поднятую матицу *обсевали*: хозяин варил кашу, кутал горшок в полушубок и подвешивал к матице. *Севец* шел по последнему венцу, рассеивая зерно и хмель с пожеланьями хозяевам, затем заходил на матицу и рубил веревку. После этого помочане садились есть кашу и пили за здоровье хозяина *матичное*⁵⁹. Обряд обсевания матицы перекликается с аналогичным моментом свадебного обряда (обсыпание зерном и хмелем жениха и невесты).

В других вариантах обряда тоже встречаются элементы, присущие некоторым семейным обрядам: в Новгородской губернии матицу втягивали вместе с привязанными к ней веревками хлебом и пирогом, завернутыми в вывернутую наизнанку шубу (шерстью наружу). Когда матица была поднята, двое мужчин одновременно разрубали веревки; хлеб, пирог и шуба падали на пол. Если хлеб упал верхней коркой кверху, то считалось, что в семье будут рождаться мальчики; если вниз, — девочки. После этого хозяева угощали помочан пивом и вином; затем начинали накатывать потолок⁶⁰. Гаданье это восходит, по-видимому, к древним представлениям о матице как связующем и центральном элементе дома, оказывающем таинственное воздействие на жизнь семьи. Не случайно сваха, войдя в избу и помолвившись, садилась на лавку непременно под матицей («если под матицу не сядешь, так и в семье связи и ладу не будет») ⁶¹. В матицу стрелял дружка в ходе свадебного обряда. В Вологодской губернии (Кадниковский уезд), к поднимаемой матице привязывали лукошко с вином и пирогами и сразу же садились пить это вино и

⁵⁵ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 633, л. 30.

⁵⁶ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 399, л. 17. Яренский уезд; Куликовский Г. И. Олонечские помочи — Олонечский сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894, с. 394; Ремезов. Крестьянские поземельные товарищества в Уфимской губернии. — Северный вестник, № 9. (Областной отдел). СПб., 1888, с. 128—137; Годичное заседание..., с. 40 (Тульский уезд, Архангельская волость, Федяшевская община).

⁵⁷ Куликовский Г. И. Указ. раб., с. 394.

⁵⁸ Сельская поземельная община в Архангельской губернии. Вып. 2, 1884, с. 18; Вып. 3, 1886, с. 40.

⁵⁹ Даль В. И. Указ. раб., с. 307 (без указания местности).

⁶⁰ Синозерский М. Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. — Живая Старина, Вып. IV. СПб., 1899, с. 40.

⁶¹ АГО, р. 57, оп. 1, д. 3, л. 12; д. 2, л. 11 об.; д. 9, с. 13; Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири. — Библиотека для чтения. Т. 90. СПб., 1848, с. 2; Кривошапкин М. Ф. Указ раб., с. 53.

есть пироги, «чтобы хозяевам в новом доме было что есть и пить»⁶². В Воронежской губернии под матицу клали с одного конца деньги, а с другого — шерсть: чтобы деньги не переводились и дом был теплым⁶³. По-видимому, с традиционными представлениями о матице и обрядами при ее подъеме и было связано то, что на вздымки приглашали лишь родственников и друзей.

Более многолюдными были помочи по строительству глинобитной печи — *печебитье*. На них приглашали преимущественно холостых парней и девиц. Заходя в каждую избу, а также при встрече на улице, хозяин говорил: «Прошу, пожалуй на печебитье!» Молодые помочане привозили глину, затем мяли ее, укладывали и утрамбовывали — били досками, молотами, утаптывали ногами. Делали это в определенном ритме, который задавался песнями. Когда печь была готова, начиналась пляска. Хозяин угощал парней водкой, а девушек — пряниками; это угощение называлось *печное*⁶⁴. Печебитье — молодежные помочи, на которых коллективный труд сочетался с молодежной вечеринкой. Но они проводились сравнительно редко — только при строительстве новой избы, не были связаны с определенным сроком, да и распространение имели ограниченное (только там, где бытовали глинобитные печи).

Другие молодежные помочи — *капустки*, *супрядки*, *копотихи* — распространены были очень широко, практически по всей территории расселения русских, созывались в определенный период года и по существу являлись одной из форм вечеров или посиделок. Как правило, они организовывались по первому типу помочей, но иногда — по второму или третьему.

Капустками⁶⁵ открывался сезон осенних вечеров (беседок) молодежи. Сбор капусты завершал уборочные работы, и тут же начинались помочи для заготовки квашеной капусты на зиму. Сроки проведения капусток определялись, с одной стороны, окончанием страды, с другой — началом сезона свадеб. Во многих описаниях капустки прямо связываются с брачными планами родителей и самой молодежи⁶⁶.

Приглашенные девушки — *капустницы* — приходили со своими тятками. Парни являлись незванными и развлекали помочанок шутками, прибаутками и игрой на гармошке или других музыкальных инструментах. В больших селах на капустки собиралось до 200 человек. Обычно к 7—8 часам вечера капуста была «изрублена, искрошена, нашинкована», а нередко и спущена в кадках в погреб. Помочами в один день обрабатывали до 5000 кочанов. Срок работы — один день — был постоянным; число капустниц соответственно зависело от запасов данного хозяина. После окончания работы хозяева приглашали всю молодежь в избу на ужин, за которым следовали песни, игры и пляски, продолжавшиеся до утра. На капустных вечерках пели обычно игровые, а также величальные песни, аналогичные песням, исполнявшимся на свадебных вечерках⁶⁷.

В разных районах характер капусток и место их в общественной жизни осенней деревни были различны в зависимости от удельного веса этой культуры в хозяйстве, урожая ее в данном году, структуры и масштаба других занятий и развлечений, проходивших в это время. Бывали чисто

⁶² АГО, Вологодская губерния, д. 15, л. 64—65.

⁶³ Селиванов А. И. Указ. раб., с. 102.

⁶⁴ Куликовский Г. И. Указ. раб., с. 395; ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 774, л. 47 (Новгородская губ., Устюжский у.).

⁶⁵ Другие названия: *капустка*, *капустница*, *капустянка*.

⁶⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 24, л. 9 (Тарский округ, 50-е годы); Можаровский А. Ф. Свадебные песни Казанской губ. — Этнографическое обозрение, 1907, № 1—2, с. 72.

⁶⁷ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 643, л. 3. Нижегородская губ., Васильсурский у.; АГО, р. 61, оп. 1, д. 24, л. 9; Можаровский А. Ф. Указ. раб., с. 72—73; Записки Географического общества по отделению этнографии. Т. 4. 1871, с. 244—245 (Лужский у. Петербургской губ.); Пермская губ., с. 539—540; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь, с. 109, 111.

женские капустки и довольно малолюдные⁶⁸. Кроме того, различия вносились за счет уровня обеспеченности хозяев. Даже набор музыкальных инструментов на капустных вечерках менялся в связи с этим⁶⁹. Но особенность обычая, как одного из видов помочей, сохранялась во всех вариантах⁷⁰.

На *супрядки* для работы приглашались женщины и девушки, но присутствовать на них могли и мужчины. Осенью, когда было готово сырье для пряжи — шерсть, лен или конопля, хозяйка рассылала его с кем-нибудь небольшими порциями знакомым женщинам и девушкам. Обычно супрядки затевали женщины, в семье которых не хватало рабочих рук для прядения. Между рассылкой сырья и назначением дня супрядок проходил срок, нужный для приготовления пряжи и ниток. О предстоящей супрядке хозяйка извещала накануне или утром; к вечеру все *супрядницы* (в Новгородской и Псковской губ. — *супряжинки*) в лучших своих нарядах приходили с готовой пряжей и нитками, а хозяйка устраивала угощение, сопровождавшееся пением и плясками. В районах с развитым скотоводством число помочанок на супрядках доходило до пятидесяти⁷¹. Около супряжницы мог угощаться захребетник⁷². В некоторых местах Заонежья супрядки практиковались только для изготовления пряжи для рыболовных сетей⁷³. Организовывались супрядки и по первому типу помочей, т. е. не по инициативе отдельных хозяек, а поочередно у всех или у многих односельчанок. Так, в Костромской губернии супрядки для прядения льна начинались с осени и продолжались до Рождества, переходя из избы в избы⁷⁴.

Название супрядки применялось и к таким вечеркам, где просто сходились девушки с работой (без приглашения хозяйки, каждая со своей собственной работой)⁷⁵. Такие супрядки не являются помочами и не рассматриваются в данной работе. Название *копотиха*, как и супрядки, применялось как для одного из видов домашних помочей, так и для таких вечеров, на которые каждая девушка приходила со своей собственной работой. На копотиху созывали девушек для пряжи льна⁷⁶.

Для всей рассмотренной группы помочей, являвшихся одновременно одним из видов осенне-зимних вечеров (капустки, супрядки, копотиха), характерна работа в доме, без выездов в поле, лес и пр.

Отметим, что такой вариант супрядок, при котором каждая помочанка самостоятельно обрабатывала лен, пеньку, пачеси или изгреби, а вместе они лишь сдавали работу владелице сырья (некоторые из супрядниц предлагали выделку своего собственного сырья), ужинали и веселились, вообще стоит особняком среди всех видов помочей, так как в нем отсутствует собственно коллективная работа — основной признак

⁶⁸ Гуляев С. И. Указ. раб., с. 62.

⁶⁹ В Пермском, например, округе у зажиточных крестьян на «капустках» плясали под звуки скрипок и бубна, а у небогатых — балалаек и гармошек. См.: АГО, р. 61, оп. 1, д. 24, л. 9.

⁷⁰ Даже в промышленных центрах, имевших тесную связь с сельской округой, «капустки», как и некоторые другие виды помочей, бытовали на рубеже XIX—XX вв. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.) М.: Наука, 1971, с. 157.

⁷¹ АГО, р. 29, д. 57, л. 1—44 (Шадринский у. Пермской губ.); Государственный Архив Алтайского края, ф. 163, оп. 1, д. 214, л. 89—95; Гуляев С. И. Указ. раб., с. 62; Пузырев Н. Указ. раб., с. 237; Крылов И. О сельской поземельной общине деревни Пахново Псковской губернии, Псковского уезда, Славковской волости. Статистические очерки. Вып. 2, Псков, 1883, с. 9—11.

⁷² Пермская губ., с. 539.

⁷³ Куликовский Г. И. Указ. раб., с. 396.

⁷⁴ Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. СПб., 1861, с. 516; Русское богатство, 1879, № 1, с. 67.

⁷⁵ Материалы по этнографии..., с. 146.

⁷⁶ Сборник материалов..., с. 24. Пермская губ., с. 539; Даль В. И. Указ. раб., т. 11, с. 159 (Копотиха — помочи проводилась в доме хозяйки; копотиха во втором смысле собиралась обычно в бане); Виноградов Г. С. Указ. раб., с. 28—29.

обычая помочей. Есть основания полагать, что девушки и женщины, взявшие от какой-то односельчанки работу, выполняли ее не только (или не столько?) у себя дома, но на общих вечерках (копотихах, супрядках), устраиваемых в бане или наемной избе, т. е. все-таки сообща. Иначе говоря, на супрядки и копотиху, во втором смысле этого термина, приходили не только со своей собственной, но и взятой в порядке помочи работой.

Специальные названия, свидетельствующие о широте распространения и устойчивости традиции, бытовали еще для целого ряда помочей: *полотушки* (толока для очистки поля или огорода от сорняков); *сеновницы* (помочь для покоса и для гребли сена); *дровяницы* (помочь для рубки дров)⁷⁷.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И НОРМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬЮ УЧАСТИЯ В ПОМОЧАХ

Целый комплекс этических представлений и норм сложился в крестьянской среде вокруг участия в помочах. Сообщения информаторов и описания этнографов и других наблюдателей-современников дают неоднозначный ответ на вопрос об обязательности участия. Различия могут быть отмечены как по районам, так и по типам помочей.

«Безусловно обязательною для себя крестьяне помочь не считают, но нравственная обязательность помочи так глубоко ими сознается, что отказа в помочи почти не бывает» (Рязанская губ., Мураевенская вол., 1877 г.)⁷⁸. По наблюдениям в Пустынской общине этой же губернии, отмечалось, что «отношение мира к членам, подвергшимся несчастью, выражается главным образом в помочи...»⁷⁹

Представление о нравственной обязательности участия в помочи было особенно выражено, когда речь шла о благотворительной помощи общины одному из ее членов, нуждающемуся в поддержке. Информатор Тенишевского бюро из Фетиньинской волости (Вологодский уезд, Вологодская губ., 1898), сетовавший на влияние имущественного положения на взаимоотношения и, в частности, на то, что «хорошие остатки старины — помочи — начинают мало по малу принимать совершенно другой вид» (он указывает при этом на обязательность дорогого угощения, так что «иной раз помочь станет дороже найма»), четко отграничивает от этих явлений бескорыстную помощь пострадавшим. «Когда же какого-либо крестьянина постигает несчастье, например, выгорит у него дом, то крестьяне из сострадания к нему помогают в свободное от своих работ время, возят ему задаром дрова, с катища — бревна на новый дом и др., преимущественно, в воскресенье»⁸⁰.

В Новгородской губернии помочь погорельцу — «обыкновенное явление». Здесь «не найдется ни одного, просящего милостыню», так как «даже погорельцы не ходят за подавнием, а ждут и уверены, что каждый сам придет к ним с помощью по силе и возможности» (Тесовский уезд, 1878 г.)⁸¹. В Крестецком уезде этой же губернии (Заозерская волость, 1879 г.) «в случае постигшего домохозяина несчастья, напр. пожара, мир дает бесплатно лес для постройки; *если кто заболел, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т. п.* (курсив мой. — М. Г.); на работу должны идти все; не желающего может принудить староста»⁸². В Псковской губернии (Борокская общи-

⁷⁷ Петрушевич А. С. Указ. раб., с. 67.

⁷⁸ Сборник материалов..., с. 129.

⁷⁹ Там же, с. 168.

⁸⁰ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 117, л. 4—5.

⁸¹ И. Х. Указ. раб., с. 68.

⁸² Сборник материалов..., с. 291.

на, 1879) мир помогал пострадавшему крестьянину (пожар, неурожай, падеж скотины) работами — вывозкой леса, постройкой избы и т. п.⁸³

«Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку, мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев, под предлогом недостатка лошадей, отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам; но общественное мнение осуждает его, „а идти против мира редко кто решается“» (Тульская губ., Старухинская община)⁸⁴.

По данным Калужской губ. (Медынский у., 1879 г.), наблюдатель также подчеркивает особое отношение к мирской помощи (тип II — по нашей типологии), противопоставляя ее помощи по приглашению зажиточных крестьян: «Помочь в ходу и имеет смысл между крестьянами общины, например, в том случае, когда один из членов последней строится, то для скорой и экономной перевозки лесных и других громоздких материалов приглашается на помощь *мир, который никогда не отказывается от этого* (курсив мой.— М. Г.). Мирская помощь собирается преимущественно в праздники. Это взаимное вспоможение особенно важно для погорельцев, когда необходимо до наступления холодов выстроить жилище для себя и помещение для скота»⁸⁵.

Обязательная и повсеместная помощь общины при постройках после пожаров отмечена и для Московской губернии. Столь же непременным считалось здесь и участие в помощи в пользу вдов и сирот, занимающихся хлебопашеством. Отказ вдове в лошади, если она не имела своей, считался «делом безбожным»⁸⁶. Иногда сиротам мир обрабатывал участок в течение ряда лет⁸⁷. Помощи общины в пользу вдов и сирот описаны также по Тверской, Владимирской, Псковской губерниям⁸⁸.

В Юрьевском уезде Владимирской губернии отмечены случаи устройства миром помочей для запашки полей двух семей, пожелавших обрабатывать землю (семена для них были собраны общиной по лукошку со двора), и случай обработки миром земли крестьянки, в семье которой было двое убогих⁸⁹.

Итак, совершенно безвозмездные (т. е. без непременно угощения) помощи общины отдельному члену ее при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство, сиротство, падеж лошади) были по крестьянским этическим нормам и самыми обязательными. Община, по крестьянским представлениям, просто не могла отказать в этом случае (либо сама проявляла инициативу в организации такой помощи).

Отдельный член мира подчинялся общему решению: по внутреннему побуждению и в силу сложившихся взглядов; либо считаясь с общественным мнением и не решаясь противопоставить себя ему; либо принуждаемый старостой (последнее упоминается лишь в одном описании). Система нравственных ценностей, которая стояла за этими нормами, для рассматриваемого времени была глубоко традиционной.

Вопрос об участии в помощи, затеваемой отдельным хозяином в качестве рядового, обычного (без исключительных причин и обстоятельств) способа решения срочных хозяйственных задач и сопровождавшейся угощением, каждый крестьянин решал для себя и своей семьи сам. Но при этом он, как правило, руководствовался сложившимися нормами поведения.

⁸³ Там же, с. 323.

⁸⁴ Там же, с. 201.

⁸⁵ Каневский Н. Из Медынского уезда.— Тр. ИВЭО, Т. III., вып. 2 (октябрь). СПб., 1879, с. 139.

⁸⁶ Сборник статистич. свед..., с. 267—270.

⁸⁷ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 633, л. 27.

⁸⁸ Сборник материалов..., с. 252, 381; И. Х. Указ. раб., с. 68.

⁸⁹ Пругавин В. С. Указ. раб., с. 125.

В Казанской губернии участники помочи «работают скорее из-за чести, чтобы помочь человеку», а угощение принимают как выражение благодарности — «не домой же ходить есть с даровой чужой работы» (Лаишевский уезд, 80-е годы)⁹⁰. Для одних помочан вступали в силу представления о необходимости взаимной поддержки родственников, для других — соседей. «Крестьяне между собою связаны не только общественным пользованием, но и родственными узами: не только ближние, но и дальние родственники интересуются судьбою семьи, и каждый родич готов помочь другому в затруднительную минуту. Это доказывается делаемыми часто помочами, т. е. всякий в чем-нибудь нуждающийся приглашает всех родственников, шабров (соседей), и они ему помогают (Самарская губ., Бугурусланский уезд, Сосновская волость, 1864 г.)⁹¹.

В Псковской губернии (1879 г.) степень обязательности помочей в этом случае определена наблюдателем так: «Если не придешь помочь бедняку, так станут корить, попрекать, а здесь же (если приглашает зажиточный крестьянин.— М. Г.), кто хочет, тот и идет, разумеется, имея в виду, что если он теперь не пойдет, то, пожалуй, когда ему понадобится, так и к нему никто не пойдет»⁹².

В Симбирском уезде считалось, что «крестьянин, идя на помочь к своему соседу, делает ему этим одолжение; в благодарность (...) хозяин, делающий помочь, угощает своих соседей — помочан обедом и водкою (...), не считает после этого себя обязанным им. Если же крестьянин, делающий помочь, не угощает помочан, тогда обязан (...) являться по первому приглашению на помочь к соседям, которые были у него на помочи; в этом случае помочь уже считается обязательною»⁹³. Представление об обязательности помочей касалось тех работ, в которых все члены общины или значительная часть их поочередно помогали одному хозяину (хозяйке), т. е. в помочах типа I. При этом кормили «чем бог послал» во время работы (без большого угощения обедом и вином), что не снимало обязательности участия хозяев в других помочах. Обязательными (взимными) были отработки помочей в молотье — *отмолачивать*, в мятье конопли — *отминать пеньку* (Болховский у. Орловской губ.), в вывозке навоза — *отваживать* (Московская губ.)⁹⁴.

В других районах отмечено устойчивое представление о невозможности отказаться от приглашения и на индивидуально организуемые помочи (тип III), если крестьянин сам пользовался или предполагает когда-то пользоваться помочами, независимо от того, выставляется ли угощение. Так, в Томской губернии (Барнаульский округ, Тальменская волость, 80-е годы) отмечено: «Если кто устраивает помочь, то и он сам, или другой член его семьи, обязан быть на помочи у тех лиц, которые были у него на помочи; только уважительные причины могут избавить от этой обязанности, иначе к нему не будут ходить на помочь, потому что он „не отхаживает помочи“ — „Нам не вино дорого, а работники“, — говорят крестьяне»⁹⁵.

Как видно из этого сообщения, здесь бытовало понятие «отхаживать помочи» и степень обязательности участия была очень высока в помочах типа III. Сказывалась острая потребность в рабочих руках в Сибири. В Тобольской губернии (80-е годы) также всякий, пользовавшийся услугами односельчан, считал своей обязанностью являться на помочи к другим⁹⁶.

⁹⁰ Тихонов В. П. Указ. раб., с. 25.

⁹¹ Автор этого сообщения — государственный крестьянин Дерюжев Иван. Описание села Сосновки см.: Памятная книжка Самарской губ., с. 123.

⁹² Сборник материалов..., с. 323.

⁹³ Там же, с. 368.

⁹⁴ ГМЭ, ф. 7, оп. I, д. 1177, л. 12; д. 633, л. 30.

⁹⁵ Пузырев Н. Указ. раб., с. 236.

⁹⁶ Материалы для изучения экономического быта..., с. 166; Капустин С. Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии.— Литературный сборник. СПб.: изд. редакции Восточного обозрения, 1885, с. 110.

Обязанность всякого, пользовавшегося помощью, откликнуться на аналогичное приглашение соседей, отмечена и для Мезенского уезда Архангельской губернии (Юромская и Лешуконская вол., конец 70-х — начало 80-х годов)⁹⁷. Примечательно, что для одной и той же (Лешуконской) волости зафиксировано разное отношение к обязательности «отработки» помочей: «Пользовавшийся помочами обязан помогать соседу» (Смоленская, Селищенская и Лешуконская общины); «считается необязательным отрабатывать тем, кто был на помочах», т. е. хозяин не обязан идти на помощь к тем, кто у него работал (Кайнасская община)⁹⁸.

Об устойчивости, давности и широком распространении первого из этих принципов свидетельствует и пословица: «Кто на помощь звал, тот и сам иди»⁹⁹.

Имущественная и социальная дифференциация общины оказывала определенное влияние на этические оценки, связанные с индивидуально организуемыми помочами. Но действовал этот фактор не в одном направлении. Если помочи типа III организовывал бедняк, то мнение общины решительно осуждало отказавшегося принять участие. С другой стороны, крестьяне, заинтересованные в поддержке (займе, например) зажиточного односельчанина, не могли отказаться от его приглашения на помощь уже в силу некоторой экономической зависимости. Такая эволюция помочей типа III описана наблюдателем — местным жителем Сарапульского уезда Вятской губернии: он выделяет среди помочан должников хозяина, которые в течение зимы занимали у него продукты или деньги, теперь же отрабатывают их на помочи¹⁰⁰.

Выделяя общее для всех районов, легко заметить, что, по крестьянским представлениям, помочи типа II были безоговорочно обязательны для всех. Этические нормы исходили в этом случае из нравственных принципов помощи пострадавшему и бедствующему. Помочи типа I обязательны лишь для тех, кто ожидал для себя аналогичной помощи. Оценки поведения опирались в этом случае в основном на принцип общинной, соседской взаимопомощи. В помочах типа III открывался наибольший простор для влияния многих факторов на решение об участии, хотя два названных нравственных принципа действовали и в этом случае, но не безусловно, нередко усиливаясь или ослабляясь соображениями хозяйственной целесообразности, взаимной или односторонней выгоды. Во всех трех типах обычая может быть отмечена роль общественного мнения в реализации сложившихся этических норм.

Помочи — обычай сложный не только по структуре, но и по многослойности живших в нем разновременных социально-этических образований.

В рассматриваемый период одновременный охват совместной работой почти всей сельской общины бытует в помочах I и II типов (поочередная помощь всех вместе каждому в отдельных неосновных видах сельскохозяйственных работ; помощь всех одному по решению схода при чрезвычайных неблагоприятных обстоятельствах, в том числе и в основных видах работ). Широкое распространение имеют помочи III типа, организуемые по инициативе отдельного крестьянина для срочных работ.

Социальная дифференциация деревни оказывала влияние на взаимоотношения общинников в вопросах, связанных с помочами, на масштабы работ, на характер праздничного угощения. Однако применение небольшого труда не вытеснило обычай помочей.

⁹⁷ Сельская поземельная община в Архангельской губернии, по описаниям, представленным в Статистический Комитет. Вып. 2. Архангельск, 1884, с. 13; Вып. 3, с. 40.

⁹⁸ ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 779, л. 343 об., 356.

⁹⁹ Даль В. И. Указ. раб., т. III. М., 1956, с. 274.

¹⁰⁰ Тихонов В. П. Указ. раб., с. 26—27.

Отдельные виды помочей органично срослись с обрядами завершения тех или иных работ, включили в свою структуру ритуальные элементы. В целом для помочей характерно сочетание коллективной работы и праздника, переплетение, взаимное проникновение трудовых и праздничных элементов.

Нравственные принципы помощи бедствующему и соседской взаимопомощи и соответствующие этические нормы, сформировавшиеся вокруг обычая, регулировались общественным мнением. Существенную хозяйственную и нравственную роль играли помочи как одна из форм коллективных работ, где вырабатывались, закреплялись и передавались в межпоколенной трансляции производственные приемы и навыки, происходил обмен эмпирическими знаниями и наблюдениями.

Состязания в труде, выделение наиболее умелых, формирование репутаций в трудовом их аспекте (в частности, репутации невесты) и роль помочей как одной из форм общения — эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании.

**THE «ПОМОЧИ» CUSTOM AMONG 19th CENTURY
RUSSIAN PEASANTS.
(TO THE INTEGRATED STUDY OF WORK TRADITIONS)**

The custom of *pomochi* is not only complex in structure but also comprises survivals of various socioeconomic forms stemming from different periods.

The author distinguishes three types of *pomochi*: 1) the aid of all community members to each one in turn in certain secondary branches of agricultural work; 2) the aid of all to some one community member (in cases of extremely unfavourable circumstances) in all activities, including basic types of agricultural work; this is done in accordance with a decision of the *skhod* (general gathering of the villagers); 3) aid in particularly pressing work organized on the initiative of an individual peasant.

In the period under review the relations between community members in questions involved with the *pomochi*, the volume of work done, the kind of festival refreshments — came under the influence of social differentiation in the rural community. However, the introduction of hired labour did not lead to the elimination of this custom.

The various types of *pomochi* have merged with the rituals marking the conclusion of each particular type of work; they have integrated ritual elements into their structure. *Pomochi* as a whole characteristically combine collective work with festivity; the work becomes interwoven with the festive elements, they interpenetrate.

The ethical principles of helping the unfortunate and of mutual aid among neighbors, and the corresponding ethical norms that have grown around this custom, were regulated by public opinion. The *pomochi* played an important economic and ethical role as a form of collective labour where working methods and habits were developed, consolidated and transmitted from generation to generation, where empirical knowledge and information resulting from observation was interchanged.

Competition in work, the singling out of the most skilful, the development of a «work reputation» (in particular, the reputation of a prospective bride), the role of *pomochi* as a type of communication, all these questions require further study.